

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ВОЗГОВОРИ, НОЧНАЯ ЧАЩА...

Чувство рода и земли в поэзии Александра Нестругина

*Первая мать — Пресвятая Богородица,
Вторая мать — сыра земля,
Третья мать — кая скорбь приняла.*

Русские духовные стихи

1

Современная русская поэзия поделена на два духовных ареала, каждому из которых свойственно особое видение мира, свои отношения с прошлым и будущим, представления о реальной жизни и бытии. И здесь нет нужды в специальных акцентах, давно уже принятых в нашей литературе: философские стихи, поэзия мысли, пейзажная лирика, стихи о любви, гражданские строки и т. п. Речь идёт о поэзии города и деревни, о чувстве земли — и осознании асфальта, о созерцании парка — и напряжённом вглядывании в природу леса и реки. Такое резкое деление художественного пространства русской поэзии, конечно, во многом условно. Однако стоит обозначить тот смысловой пункт, который эту условность почти снимает: проблема целостности русского человека, его верности родовым вехам и христианскому преданию.

Городской человек — существо, живущее смыслами во многом рациональными. Это хранитель церковной и светской культуры, цивилизатор, перестраивающий по своим чертежам всё, доставшееся ему по наследству от прошлых времён. Нередко он лишён природного слуха, позволяющего не только улавливать тончайшие зовы стихий и живых существ, но и понимать себя частью великого и таинственного природного целого. Житель города обладает многими иными достоинствами и талантами, однако это свойство его натуры обычно или не развито, или атрофировано.

Сельский человек, сохранивший в себе детское внимание к окружающему миру и память о запахе трав, плеске тихой речной волны, просторе луга и насторожённой обособленности леса, интуитивно воспринимает знаки стихий и подчиняет свой быт циклам времён года. Соединение собственного уклада с распорядком внешней среды происходит сегодня на уровне почти бессознательном, в рамках семейной привычки или давней, плохо укладываемой в слова традиции. Но это — покрытая тенью более поздних веков часть огромного мира, в котором человек был вплетён в природу и понимал и ценил такое гармоничное единство.

Прежняя целостность души теперь практически утрачена. Однако черты “природного” человека, словно разбросанные по осени листья, встречаются пока ещё часто. В поэзии они выражены очень отрывочно, вскользь и оставляют впечатление смутной памяти о минувшем. “Земля уходит из-под ног” — эти слова впрямую перекликаются с психологическим состоянием русского ума сегодня. Поэтому явление художника, в творчестве которого душа и природа “единокровны” — событие огромной важности, поскольку в подобном случае литература и жизнь получают спасительную прививку от многих болезней цивилизации.

В творчестве Александра Нестругина образ “природного” человека присутствует как некий художественный центр, и его приметы требуют уяснения и мировоззренческого понимания.

С одной стороны, в лирическом герое трепещет душа дохристианской поры, когда шёпот трав и птичий щебет многое сообщали слуху и уму, лесная чаща таила в себе загадочные силы, подчас неизъяснимые на людском языке, а речные воды почитались неким пограничным рубежом и очистительной стихией. Древний мир был пространством, в котором жили и действовали старые славянские боги, а сам человек являлся неотъемлемой частью природной среды.

Но вот уже тысячелетие Русь не мыслит себя вне православной веры, в забвении её святых и подвижников, и потому сегодня иерархия мистических смыслов выглядит совсем иначе, нежели прежде. Храм стал пристанищем измученного человеческого сердца, душа лелеет надежду на светлое воскресение, нравственное начало приобрело значение жизнеустроительного принципа.

Однако при этом как-то умалились и оказались почти факультативными, необязательными взаимоотношения человека с таинственным и многообразным живым миром природы, который сопутствует нам на каждом шагу даже в асфальтовой паутине городских улиц. И сегодня совершенно отчётливо возникла задача восстановить чуткие связи между православным бытованием и естественным человеческим присутствием в координатах четырёх стихий, среди зверья и птиц, деревьев и трав. Разумеется, подобная задача обладала бытийной широтой. Между тем, именно поэзия в состоянии стать внимательным проводником в этом долгом и неизбежном пути.

Первые шаги в таком направлении уже сделаны. Творческая эволюция Юрия Кузнецова есть гениальный пример упомянутого мировоззренческого соединения. Интуиция и тонкий вкус поэта позволили ему воссоздать художественную вселенную, в которой непротиворечиво соприкасаются родовое, природное — и нравственное, христианское. У Кузнецова это осуществлено в литературных и мистических границах мифа.

Но реально поэзия может явить читателю древние интуиции в сочетании с просветлённым разумом почти обыденными средствами. Наитие и острое зрение, чувство правды и желание слиться с рекой, дубравой и израненной русской землёй делают стихи Александра Нестругина ещё одной тропой в заповедный мир, где Спасителю послушны и понятны каждый цветок, всплеск волны, дрожание крыльев птицы, причудливое очертание облака.

2

Первые значимые стихотворные опыты Александра Нестругина относят ко второй половине 1970-х. Спустя десять лет в его поэзии происходит глубокое внутреннее преображение. Будто кто-то вышний придаёт лёгким невозможный прежде объём и глубину дыхания, а голосу — силу, звонкость и редкую способность говорить шёпотом внятно и разборчиво. Если ранее к читателю обращался литературно одарённый, сердечный собеседник, то с этой поры слышишь речь поэта поистине большого.

Поразительно точно и выразительно Нестругин прописывает реальность: бытовое утрачивает собственный стёртый облик и обретает смысловую значимость, лица прохожих становятся отчётливо индивидуальными, словно под карандашом портретиста. Природа в его стихах предстаёт во взаимосвязи отдельных частей и явлений, а сам автор оказывается включён в её неостановимое движение.

*Ещё не улетели ласточки!
Зачем ветра осоку клонят?
Ещё не улетели ласточки,
И стужа никого не тронет.*

*Столбом не вейся, пыль дорожная,
Леса и луг, не трепещите!
Ещё мы с вами под надёжною,
Под ласточиною защитой...*

Столь органичную связь с природой в поэзии теперь встретишь не часто; пейзажные картины её, как правило, описательны и фрагментарны. Тогда как у Нестругина за деталями всегда чувствуется целое и – тоска по целому.

В его строках звук ли, промельк, дуновение будто видятся-слышатся боковым зрением или фоновым слухом. Душа их воспринимает и беспокоится, хотя ум не может пояснить, что же происходит вокруг и в чём заключена тревога. Это – контур таинственного существования человека в природе, когда душа и дыхание мира взаимосвязаны (“безлюдно, угрюмо пространство ночное... И кажется: есть кто-то рядом со мною, и он-то в обиду не даст никому...”; “где лог, заросший нехворощей, где луг – не видно ничего. Но стёжка узнаёт на ощупь, и не оставит своего...”). Удивительным образом в поэзии Нестругина сохранился психологический отпечаток древнего русского человека – его внутренняя конституция, чувственное устройство, которые с рациональным современным умом соприкасаются лишь точечно.

*Опадает листва...
И становится слышно,
Как трубят,
Как трубят на душе журавли!
Сняли шапки с голов
И на видное вышли
Все деревья
Тревожной
Родимой земли.
Стая ласточек быстрых,
В плохое не веря,
Как на санках,
Катается на сквозняках...
Но просёлки уже
Проступили — как вены
На усталых
Осенних
Крестьянских руках.*

Нестругинские стихи нередко становятся художественным камертоном прошлого и настоящего. Так, живые степные запахи, идущие издалека или из вчерашнего дня (“сломишь кустик полынка, изомнёшь сухие стебли, – сколько дней потом рука будет отзываться степью!..”), есть подобный отклик-отзыв. Он объединяет в себе и смутную родовую память о кочевьях “в Лету канувших племён”, и сон о влажном выгоне, “где, от школы вдалеке, сердце лодочкой бумажной пляшет в мартовском ярке”.

Природный мир – потаённое царство, которое открывается не каждому. В нём порой наглядны обычно незримые связи между деревом и птицей, травой и речной водой, землёй и изменчивым небом. В стихах Нестругина образы природы слиты один с другим. И сама она предстаёт загадочным целым, которое невозможно разъять на части: “с певчею птахой приложит ко лбу влажную ветку”; “клён-то на ветках не почки качает, а стаю шмелей”.

Но природное “всеединство” включает в себя и детей как образ человека с естественно устроенной душой, хотя скорее – с душой, ещё не испорченной непомерным эгоизмом (“...деревья рядом с детворой, оказалось, могут улыбаться тёплой морщинистой корой”). Ничего подобного по отношению

к взрослым современникам у Нестругина не найти. Более того, лирический герой поэта постоянно соизмеряет собственный внутренний мир с живой внешней средой, учится у неё, говорит с ней, иногда самозабвенно погружается в неё — и не мыслит собственного существования в отрыве от её тайн и многообразия.

*Возговори, ночная чаща,
Огня мерцанье обойми!
Нет для меня светлей и слаще,
Роднее звуков меж людьми,*

*Нет для меня верней, тревожней,
Заветней нескольких минут,
Когда твой шёпот осторожный
Вершины тёмные вернут*

*Душе, в которой столько мрака
И звёздочка дрожит одна —
По звуку твоему, по знаку
Водой небес вознесена*

*Над пепелищем и сумою,
Над горькой лямкой — “за харчи”,
И кажется — над тьмой самою, —
Не этой тьмою, не в ночи...*

3

С середины 1980-х в стихах Александра Нестругина начинается тонкое проникновение “природного” начала в социальную сферу и душевную, “совестную” среду обитания лирического героя. Это происходит на фоне ощущения трагизма человеческого существования, кровавых бездн русской истории XX века, невозможности найти “золотую правду” земной жизни.

Одно из лучших стихотворений этих лет, “Встреча”, посвящено Геннадию Луткову — воронежскому поэту, в юности осуждённому за участие в работе молодёжной антисталинской группы. В давнем судебном деле много противоречивого и неясного до сих пор — когда и архивы стали доступны исследователям, и мемуарная литература представила читателям свои свидетельства. Отвлекаясь от подробностей прошлого, чрезвычайно важных в иных обстоятельствах, Нестругин изображает встречу лирического героя с “сидельцем”, чья судьба искорёжена и незавидна. Мастерски точными штрихами обозначено минувшее, настоящее и выход в будущее:

*Устали ответы, затихли вопросы,
В костре головешки, как речка, дымилась.
А в банке, где сок был, осенние осы
Тонули, карабкались, плакали, бились...*

*И что ему вспомнилось в эту минуту?
Суровые годы? Жестокость людская?
Склонился... И подал им тоненький прутик,
Как будто бы осы те — ценность какая.*

*А после глядел сквозь кусты чернотала —
И что он там видел, где не было света?
И мне в ту минуту понятнее стало,
Как жить, чтобы стать настоящим поэтом...*

Классическая простота стиля позднего Твардовского здесь соединена с волевым авторским импульсом, содержательная сторона которого — увидеть, понять, действовать.

В стихотворении малого объёма сосредоточено чрезвычайно много глагольных форм – это, к слову, одна из примет нестругинской поэзии (“устали”; “затихли”; “дымилась”; “сок был”; “тонули, карабкались, плакали, бились”; “вспомнилось”; “склонился”; “подал”; “глядел”; “видел”; “не было света”; “понятнее стало”; “жить”; “стать настоящим поэтом”). И потому сюжет напряжён до предела, хотя, на первый взгляд, перед читателем-зрителем – вполне статичная мизансцена. Но, по сути, перед нами – вопрошание более позднего творческого поколения. Нравственное и духовное здесь соединились с частным и природно-обычным, за изложением случая возникла судьба и облик “верного пути”.

Мир в стихах Александра Нестругина переполнен узнаваемыми деталями и ситуациями. Для поэта реальность становится неисчерпаемым источником коллизий и картин, его перо способно легко создать набросок происходящего – и это будет эскиз живой, дышащий, в котором “персонажи” двигаются, а сюжет развивается. Такое качество письма, редкое по естественности владение изобразительными средствами делают автора одним из лучших художников в нынешней поэзии, более склонной то к умозрительной рассудочности, то к грубой лапидарности предметов.

Нестругин – мастер природных изменений, перехода из одного состояния в другое, из одного времени года – в иное. В этом смысле его поэзия вся посвящена моменту перемены, когда прежнее отходит и не забывается – а новое наступает и ещё не враждебно старому, но лишь слегка эгоистично углублено в самой себя.

В приложении к социальному пространству это почти недостижимо, особенно в последние годы торжества наживы, рационализма, бессердечной подмены исторической памяти. И на этой черте нашего бытования исключительно важную роль играет родовая преемственность русского человека, долгое время изгоняемая из обихода и праздничного обычая, отделяемая от чувства долга и чести, много раз поруганная – и всё-таки затаённо живая, подсознательно чаемая.

*Свидетели горя и славы,
Хранители древних былин,
Редуют донские дубравы,
Редуют...
С восторгом мой сын,
Лещины раздвинувши ветки,
Кричит мне: “Я место нашёл!
Вот эти пеньки — табуретки,
А этот здоровуций — стол...”.
И шепчет дубрава мне тихо:
“Удобно, он прав, но окрест
Не слишком ли много таких вот
Удобных для отдыха мест?
Где лишь черноклён да лещина
Жируют, пеньки полоня.
Ты счастлив — ты вырастишь сына,
Но нету детей у меня...”.*

Минувшее предстаёт тылом и защитой, когда “лишь чернота впереди”: “хорошо, что не продано прошлое – есть к чему прислониться спиной...”. Зацветающие на русских холмах воронцы соединяют в себе и судьбу, и родню. И тут скрыт очень важный духовный акцент. Личная судьба, простёртая в будущее, есть продолжение настоящей родни и прошлой – всей уходящей в глубину времени и земли родовой ветви (“там теперь батя мой... Крепко он спит – он не проснётся...”; “знал ты: пугающий космос отверст; знай: и земляца...”).

Будто невидимые и лёгкие корни тянутся от фигуры лирического героя к отчей земле, небу, воде, дому, зверю и птице. Эта странная корневая система не углублена в почву, но пронизывает собою весь объём предметов и чувствований. Тонкая родовая энергетика – не взрывная, а тайно растворённая в пространстве – насыщает русские дали, русские разговоры, русские действия, русские голоса и русские песни.

*Русь листок последний сронит —
И тогда заметим мы:
Нет, не нашим ветром клонит
Наши, русские дымы!*

*Наши травы, наши ветви,
Наши сумрачные дни...
Ну, а где же наши ветры,
Что гуляли искони?*

*Что шумели, что летали,
Будто духи во плоти,
И смыкали, и сплетали
Годы, судьбы и пути...*

*Обнимали... Обжигали!
И спасали от невзгод
Синим небушком в прогале
Разгулявшихся погод...*

*Где ж вы, ветры? Не пора ли
Гикнуть, душу веселя?
Чтоб чужие не орали,
Нашу родину деля...*

Удивительное стихотворение, написанное без малейшего аффекта и ба-
рабанной декларативности, мягкое, с чувством родного простора и обыкно-
вения, с чувством своего. Это ощущение неразрывной связи и неизъяснимой
духовной близости крайне сложно передать на словах, особенно сегодня, ког-
да вор и разбойник спокойно вершат своё неправое дело, а чистое сердце
унижено и оскорблено (“настежь раскрытого времени жаль — остро, по-вол-
чь!..”); “такое времечко: во тьму степей роняет семечко один репей”).

4

Обладающий зрением художника, Нестругин — замечательный пейза-
жист. В его стихах природа живёт и меняется, и сопрягается с человеческим
бытом и бытием. Годовой поэтический цикл “С рекой” включает в себя самые
разные жанровые картины, которые, словно на полотнах русских реалистов
конца XIX века, содержат в себе глубину жизни и чуткую мысль о ней, любовь
и сострадание к человеку и его истерзанной родине.

Вообще Александра Нестругина по праву можно назвать “человеком рав-
нинной реки”. Соединяя в веках народы и земли, река в его поэзии становит-
ся Божьей нитью, которая сшивает лоскутное существование современного
человека, минув успех и неудачу, тщеславие и богатство, гражданские свобо-
ды и наслаждение. Она стягивает к своим протяжённым берегам леса и луга,
вбирает их тайный говор и несёт его в дальнюю даль. “Родовой человек” про-
растает сквозь видимое пространство и пласты веков, и даже сквозь гори-
зонт — вместе с течением Реки-воды, с течением Реки-времени...

В его стихах постоянно встречается понятие “текущей воды” (“как вода,
ударяясь в запруду, оглушённо на круг уходя”; “бурлящая жадно вода”):

*Гляди: меж верб сквозит и рдеет,
Впитав закат и холода, —
О нет, не русская идея!
А просто — русская вода.*

*Её порой рисуют тёмной,
Текущей из глухих болот.
Зачем же к ней идёт бездомный,
Любой обиженный народ?*

*Конечно, есть трава и тина,
Камыш, глухие рукава...
Но, как душа, жива стремнина,
Сейчас — заметная едва.*

Естественно соприкасаясь с землёй в своих берегах и у дна, скрытого глубиной вод, река и озеро отражают небо во всех его изменениях, зримых и метафизических. Обращаясь к речному зеркалу, к властной силе течения, поэт всегда видит знаки небесные, неявный подтекст происходящего. Эта фонная, важнейшая часть души любого человека откликается в стихотворной строке то скромной приметой, то мыслью о запредельном просторе (тёмный плёс “держит небеса в ладонях, чтоб мы по ним проплыть смогли”). Причём “надмирное”, парящее над землёй в поэзии Нестругина не принижает реальность, сводя её к перечню бытовых обстоятельств и деталей, ничтожных по духовному счёту; у него — своё место: это подложка видимых событий и поступков, пространство за границами плотного мира. Тогда как река — место встречи земного и небесного.

*Вовсе не глухи вода и камыш,
Немы лишь, немь лишь...
Что ж ты в потёмках пришло и стоишь,
Озеро Немереж?*

*Я и не звал тебя — просто шептал
Что-то потерянно...
Так, как ольховник, когда облетал
В стынущей темени.*

*Лист за листом — затихала листва,
О воду торкаясь.
Чтоб пожило в нас хоть час или два —
Тихое, тонкое.*

*Нет, не волнение, не грусть — полугрусть —
Жизнь недопевшая...
Слышишь, как, торкаясь, просятя в грудь
Дни облетевшие?*

*Вовсе не глухи, не глухи они, —
Немы лишь, немь лишь.
А на всём свете — одни мы, одни,
Озеро Немереж...*

В этом примере единения человека и природного окоёма пограничная линия проведена уже не по давнему родовому пунктиру: в тех координатах жизнь человеческая избегала мучительных сомнений. Христианское (или скрыто-христианское, советско-атеистическое, но — с зерном милосердия) правило движения мысли и чувства, понимание собственной вины и ответственности — вот воздух этого стихотворения.

Странное, совершенно не догматическое, живое соединение нравственного поиска с мистикой окружающей среды в поэзии Александра Нестругина не кажется противоречивым. Оно обладает огромным спектром оттенков, опирается на чистейшую по искренности авторскую интонацию, проникновенную любовь к родине. Сюжеты его лирики непредсказуемы, образы и смыслы как будто обладают собственной волей, а автор лишь отчасти направляет течение слов и строк. Предметный реализм Нестругина буквально пронизан “близким дыханием реки” — и дальним отсветом русской православной традиции.

*Туда, в ольховник, в снег и темень!
К ветвям — обрубками ветвей...*

*Как боль доверить мёртвым стенам,
Как в мёртвых стенах — выжить ей?*

*Умру — и то ведь не проснётся
Мир, ограниченный стеной.
А этот — вздрогнет, и коснётся,
И будет плакать надо мной...*

В отличие от множества строк, в которых “есть лозунги, физиология, рифмованная хохлома”, в стихах Нестругина “глаз своих поэзия не прячет, как лекари — в остывшую латынь... И сбивчивы её чудные речи: так, шёпот, вздох, касание руки”.

Чувство русской неприкаянной души и одухотворённого пространства — в таком художественном поле развёртываются коллизии нестругинских стихотворений. Их автор обладает редкой способностью “очеловечить” природное (“октябрь разводит старый сурик, сухую охру в ступке трёт”) и “оприроднить” человеческое (“мы знакомы рекам и словам”). Уже это свойство делает его фигуру одной из крупнейших в современной отечественной литературе и свидетельствует: русская поэзия по-прежнему волшебна и сильна, содержательна и умна в своих классических формах. И авангард не отменяет её, такую, за якобы слабость средств выражения — но лишь демонстрирует собственную частность, ограниченность, злободневность, не в силах художественно охватить большое и глубокое, тонкое и мгновенное.

*...Ширясь и ширясь, выходит из времени лес —
И обнимает озябшие плечи равнин...*

В стихотворении “На озере Вольчьем вечерние ветры ворчливы...” вдохновенно воссозданы одиночество лирического героя, загадочная красота земли и дыхание былинного времени. Древний мистицизм перекликается с мятущимся христианским сердцем, их соседство не переходит в тихий спор — тут, скорее, взаимный шёпот, отрывочный, но не прекращающийся.

*Над волчьей водою качаются ивы устало,
Но дальше небо ещё с темнотой не слилось.
И в редких просветах простора щемящего мало,
А было бы много — к чему бы так сердце рвалось...*

У Нестругина даже евангельская осина с упрёком и угрозой волшебно идёт за Иудой — не только как знак и предмет священной истории, но ещё и как часть природы, низвергнутой в падшее состояние первым грехопадением (“Ему Господь, и въяве будь, неведом...”): она исподволь отъединена от общего Спасения предателем, отвергнувшим Христа.

5

При всех своих очень непростых духовных основаниях поэзия Александра Нестругина плотно соприкасается с современностью.

В последние два десятилетия стихотворная публицистика заполонила страницы журналов и книг, что вполне понятно: разрушенный Советский Союз, в сердцевине которого таилась Россия, был для многих родиной и судьбой. Вековые устои обыденной русской жизни, в советскую эпоху жестоко перемолотые государственным механизмом, но сохранившиеся в памяти стариков и пожилых людей, теперь оказались словно в безвоздушном пространстве. Молодёжь соблазнена идолами успеха и богатства, система передачи духовных приоритетов от старшего поколения младшему осыпается буквально на глазах. И “прямое” слово в творчестве современных русских поэтов — казалось бы, по праву — обрело почти непререкаемую власть. Однако с годами строгие формулы и гневные упреки будто “натёрли” глаза и уши читателю. Отсутствие художественной глубины стало вызывать недоверие, а громкие стихотворные возгласы, в отсутствие творческого поступка, уже не воспринимаются аудиторией с энтузиазмом. На этом временном и художественном изломе

важнейшей задачей художника стало воплощение бытийных черт в бытовом антураже текущего дня. Высокий русский реализм в литературе и живописи понимал такой постулат как сверхзадачу: в частном – увидеть общее, в индивидуальных чертах лица и поступках – типовое, в конкретно-временном – вечное...

В зрелых стихотворениях Александра Нестругина отчётлива тень собственной вины: за то, что не удержал страну – деревню, природу, стариков, детей – на краю обрыва; и русский мир упал в водоворот духовной и нравственной смуты. Понимание своей “удерживающей” роли присуще только очень большим художникам. Оно сопряжено с внутренней готовностью их к самопожертвованию и в огромной степени связано с сердечным восприятием Христа подвига. Здесь же – терпение и стояние в истине, чувство правды и плеча (“но за нами – Родная Речь, и стоим мы – плечом к плечу”) – братского, родового и духовного, апостольского.

*Родина это. Тобою забыта.
Брошенки-избы ласкает паук.
Но ведь окошко одно не забито.
И занавеска качнулась на стук...*

*Как тут живут — без решёток, без кода,
С тусклою лампочкой в пару свечей?
Сердцем упавшим стукнет щеколда...
Сможешь ответить отчизне — ты чей?*

Поэзия знает множество стихотворений, в которых “ушедший в люди” житель почвы возвращается к старой знакомой ветле и покосившейся калитке родного дома. Евангельский мотив “блудного сына” вполне традиционен и, наверное, вечен. Но в нём важны, прежде всего, смысловые и этические нюансы. Как правило, подобное возвращение оказывается следствием или жизненного поражения, или преуспевания – в совсем ином, “не-отчем”, месте.

Для Нестругина мотив возвращения – это невозможность личным усилием возделывать родную землю во всех местах, где сокрушённый взгляд автора видит разорение и упадок – и хозяйственный, и бытовой, и человеческий. Потому что вся она, земля, будто живое существо – родная: со своим голосом, слухом, дыханием, наконец – материнским теплом... И становится вполне понятным и естественным стихотворение о русском бурьяне, который “пришёл не цвести, а спасать”:

*Чуть ненастье — и всякий без спроса
Станет ложкие стебли бросать
Столбовому пути под колёса.*

*И, как будто бы в чём-то винась,
Византией, распятым Союзом
Ляжет он в эту веру и грязь,
Под эпоху, летящую юзом.*

*Я не знаю, кем я вам кажусь —
Жёлтой налунью, белым туманом?
Я и донником жить не стыжусь,
Придорожным сутулым бурьяном.*

Лечь в провал дороги, восстановить путь – реальный ли, исторический – подобное самоумаление в творческой среде почти не встречается. Оно может свидетельствовать о скромности автора, о небольшой величине его творческого дарования. Но стоит помнить, что перед нами – тихое уверение самого поэта, неразрывно слитое с его художественным словом, редкой и очень естественной свободой стихотворной речи, образным восприятием мира, которое вбирает в себя и родовые символы и знаки – и христианские акценты.

И станет очевидным, что творческий дар Александра Нестругина не нуждается во внешних отличиях, потому что, попросту говоря, “внутри него – его

много”. Подобное затаённое чувство присуще только подлинным поэтам, которые могут вести разговор с памятью, временем, почвой, родом и небесами. Хотя высокое у него подаётся крайне просто, тайное показывается — только краешком. А собственное место и заботы в стихах — обыденны и не яркие, в отличие от текстов столичных “медийных” авторов.

*А ноябрь опять распушил куку,
Белым крестиком стёжка вышита.
Ну, а вам-то что? Вы в своём кругу,
Грудь на грудь сойдясь, рвёте-пишете.*

*Рвёте-пишете — помогай Господь,
Ведь и я ищу осиянное.
Котелок со мной да сольцы щепоть,
Ложка дровня, деревянная.*

*Рвёте-пишете — чтоб ноздря в ноздрю
Выйти к финишу... Я ж за гаткою
Бирючков ловлю да уху творю,
Да всё мучаюсь над загадкою:*

*В кабаках уха — кулинарный рай,
И стерляжий сок — жёлтой биркою,
А губам подай — стёртой ложки край,
Ложки батиной, со щербинкою...*

Практически все нестругинские стихотворения — подчас еле уловимо — окрашивает тоска по природной свободе. В ней и отзвук смертной доли каждого живущего, и придавленная слоём времени родовая память о взаимной гармонии человека, земли и воды.

В поэме “У переправы” с жёсткого троса срывается паром и уходит вниз по течению реки, будто преодолевает назначенную ему узкую судьбу и соединяется с движением стихии, вековечным, мерным — но всегда новым...

Этот образ плена и воли, сделанного шага и упорительного, согласного с космосом движения, — по существу, один из центральных в творчестве Александра Нестругина. В нём сокровенная внутренняя музыка поэта, слова “с запинкой” — и дрожь мокрых листьев, незатихающая зыбь речной воды:

*Не надо плакать — вечность прожита.
Мерцает солнце мутным рыбьим зраком.
Я не вернусь из белого листа
Ни буквою, ни деревом, ни злаком.*

*Я в нём давным-давно уже кружу,
Наст проминаю даже тёмной ночью.
И обернусь порой, и погляжу:
А где мой след? — вокруг одни сорочки.*

*Смотала пряжу всю с веретена
Кабы швея, а то — змея-позёмка.
И за мою колготой она
И день, и ночь приглядывает зорко.*

*И ведом путь мой только ей одной:
Она скользнёт, ровняя снег — и баста.
Но если кто-то вдруг пойдёт за мной,
На ощупь, — я сломал железо наста...*

г. Воронеж